

8 декабря 1982 года

# ПОЭЗИЯ - РАЗЯЩЕЕ ОРУЖИЕ

## НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Исполнилось пятьдесят лет видному таджикскому поэту, лауреату Государственной премии, первому секретарю правления Союза писателей Таджикистана Мумину Каноату. В связи с юбилеем и за заслуги в развитии советской литературы поэт награжден орденом Трудового Красного Знамени. Наш корреспондент встретился с юбиляром и попросил ответить его на ряд вопросов.

— Мумин Каноатович, нашим читателям наверняка интересно узнать о вашем пути в литературу, о том, как формировался ваш собственный творческий почерк.

— Вы знаете, что я родился и вырос в Дарвазе. С детства пришло увлечение поэзией, но особенно я любил Лахути, Турсун-заде, Юсуфи и Сулаймони. В то время, когда я учился в старших классах школы, люди буквально зачитывались стихами Турсун-заде, особенно его «Индийской балладой», широко известной в мире. Я был заворожен творчеством Мирзо Турсунзоды, знал наизусть каждую его строку.

В связи с чем я это говорю? Дело в том, что я сам в то время уже писал стихи, и, естественно, они были подражанием творчеству Турсун-заде. Стихи были, на мой взгляд, вполне складными, и все-таки я чувствовал — чего-то в них не хватает. Как понял позже, в них не было главного — собственного видения. Но откуда мне было тогда знать, что первостепенное в стихах и есть то самое видение?

Сразу после школы, это было в 1951 году, я поступил в университет. Мне повезло: на нашем факультете были очень сильные преподаватели. Достаточно сказать, что у нас читал лекции крупный ученый-востоковед академик А. А. Семенов. Именно его лекции помогли проникнуть в мир нашей классики. И когда я прикоснулся к этому необъятному миру, мне стало стыдно за то, что я писал. Вот тогда и произошел первый крутой поворот в творчестве. Я стал писать иные стихи. Это были какие-то вздыбленные строки. Но я никому не показывал их. Надо понять психологию очень молодого человека, приехавшего с Памира в столицу, — я был очень застенчивым и гордым.

Мой товарищ и однокурсник Басир Расо, ныне известный литератор, уговорил меня показать стихи в Союзе писателей. Они попали к Боки Рахим-заде. Спустя годы я понял маудере и такт Боки Рахимовича. Он был очень осторожен в оценках. Он сказал: ваши стихи лаконичны. Вы пишете с позиций Лахути. А должны, по логике, писать восторженно и даже — наивно. Как и положено в вашем возрасте. Попробуйте так писать. Попробуйте своим голосом рассказывать о конкретных вещах.

Позже о стихах со мной не раз беседовали Басир Рахим-заде, и Мирзо Турсун-заде, и Мирсаид Миршакар. Они учили нас владеть словом. А знания, способность оценки дал университет.

Не могу без благодарности вспомнить нашего педагога зарубежной литературы Фаину Ивановну Стеклову, открывшую перед нами огромный и сложный мир литературы.

Вот так в те годы познание литературы и занятия поэзией тесно шли рядом. Я занялся эстетикой и чуть было не уехал учиться в аспирантуру, но тут первые стихи, которые получили одобрение, окончательно предопределили выбор. В 1960 году вышел

мой первый поэтический сборник «Искры».

— А теперь давайте от первых лет вашего творчества перенесемся сразу в сегодня, минуя чуть ли не четверть века творческого пути. Как Каноат-поэт представляет себе задачи поэзии и свои собственные в ней?

— Лично для меня тут нет неясностей. Если литература — зеркало жизни, то поэзия — тем более. Каждый поэт, в том числе и я, отражает мир, который его окружает. А мир этот, как известно, сложен. В нем много прекрасного, много и темного. Есть в нем подвиги, победы, но есть и поражения. Торжествует абсолютное добро, а где-то существует и зло. Это классические жизненные противоречия. И поэзия, особенно поэма, отражает эти противоречия. А поэма, как вы знаете, это мой основной жанр. В сложном мире событий, фактов я выбираю все-таки доброе начало, стремлюсь оразить красоту жизни, красоту подвига. Это есть и в моей лирике. Но в поэмах это выявляется особенно четко. Все мои поэмы — о современности, кроме «Кольбели Авиценны», но и там есть обратная связь с современностью.

И еще одно. Я выбираю всегда трудную тему. Когда в шестьдесят пятом году я начал писать поэму «Голоса Сталинграда», я совершил ряд поездок — в Москву, не раз ездил в Волгоград, изучал материалы, встречался с участниками битвы на Волге. И чем больше изучал тему, тем страшнее мне становилось. Трудно было сделать выбор — то ли взять героев реальных или вывести какие-то обобщенные образы. И как писать поэму — в классическом стиле или обратиться к модерну? В итоге длительных размышлений решил: рисunku — возьму реальных участников битвы, самых известных и малоизвестных.

Я, конечно, знал, что о битве на Волге много написано, в том числе и о моих героях. Я решил взять только звездный час их судьбы, который определяет смысл их жизни, когда человек проявляется до предела, или в самой трагической, безысходной ситуации, в которой тем не менее присутствует элемент надежды.

Вот только два подвига двух героев. Один из них совершен в самый трудный день битвы, когда враг решил во что бы то ни стало взять Мамаев курган, откуда можно было вести прямой наводкой огонь по нашим позициям. Связь с обороняющимися была прервана. Десять бойцов-связистов в тот день пытались восстановить ее, но никому не удавалось дойти до места обрыва — вражеская пуля настигла их. Одиннадцатым, уже к вечеру, на виду у противника, пошел по линии связи Матвей Пути-

лов. Разрыв на линии оказался очень близко к фашистам. Они вели по связисту огонь. Когда Путилов восстанавливал связь, его ранило сначала в левую руку, потом — в правую. Матвей Путилов зажал концы еще не соединенных проводов в зубах. Тут его ранило еще раз. Смертельно. И через его остывшие уста всю ночь говорили живые люди.

Поэтически передать подвиг Матвея Путилова было непросто. Уже когда поэма была напечатана в «Юности», я получил письмо от брата Матвея — Ивана Мефодиевича, узнал судьбу брата-сироты. Они учились в ФЭУ в Якутии, откуда ушли добровольцами на фронт. Полковник Иван Мефодиевич Путилов рассказывал о характере брата Матвея. И я был рад, что, не зная раньше подробностей биографии героя, сумел угадать его характер.

Той же осенью, у другого завода — «Красные баррикады», дежала оборону группа пехотинцев. Танки катились и катились на них. Было подобно двенадцати танков, и половину остановил Михаил Поникахо, единственный оставшийся в живых. Он вел огонь из ПТР и пушки. Когда кончились снаряды, появились еще три танка. У Михаила оставалась всего одна бутылка с зажигательной смесью. Матрос подпустил первый танк вплотную, затем встал во весь рост и поднял над собой бутылку. С командного пункта видели, как танк сначала остановился, а потом стал пятиться назад. А Михаил Поникахо наступал на него. И вдруг пуля попала в бутылку. В мгновение матрос превратился в горящий факел. И тогда он бросился под танк. Немцы были потрясены бесстрашием моряков и больше не наступали в тот день. Подвиг этот поистине легендарен. Ученые авторитетно говорят, что больше двух-трех секунд в такой ситуации человек не может сознательно управлять собой. Но оказалось, что воля, сила духа способны воплотить в науку... Михаила Поникахо называют Данко Сталинграда.

Я так много уделил места Сталинградской битве и своей поэме о ней еще и потому, что в этом году отмечается сорокалетие победы на Волге. В связи с этим мне хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде, имеющем отношение к нашей республике.

В семьдесят пятом году я выступал по Центральному телевидению, читал монолог Ахмата Турдыева из поэмы. В основе монолога — реальный факт. В критический день сентября сорок второго года в полвале дома Павлова, который обороняли наши бойцы, родилась девочка. Солдаты назвали ее Зинной, а Ахмат — Зинаидой («жизнь»). Сейчас Зинаида Николаевна Селезнева живет в Волгограде, имеет семью, детей. В день

передачи работники телевидения преподнесли мне сюрприз — познакомили с Зинаидой Николаевной.

— Мумин Каноатович, как волгоградцы относятся к вашей поэме?

— Очень хорошо. Ее читают во всех школах. По поэме сделали спектакль. Только что Волгоградская телестудия сняла фильм по поэме «Голоса Сталинграда». В начале октября я принимал участие в съемках фильма. В городе меня знают — особенно участники битвы на Волге. Ветераны говорят: «Ваша поэма — боей Сталинграда. Она борется за идеалы добра, за мир, против войны». И это для меня очень высокая оценка.

— Мумин Каноатович, в связи с рассказом о поэме хотелось бы узнать о вашем основном творческом принципе. Каков он?

— Я считаю, что советский человек — участник революции, гражданской войны, первых пятилеток, Великой Отечественной войны, человек, который восстанавливал разрушенное войною хозяйство, добивался новых побед. — Этот человек настолько богат духовно, что нет необходимости создавать собирательный образ. Смело утверждать, что таких людей больше нигде в мире нет. Надо в искусстве сохранить их для потомков. Сохранить их подвиги, их лиху и объяснить, почему они такие. Биография этих людей говорит о подвиге, о созидательной силе нашего народа.

— Вы — первый секретарь правления Союза писателей Таджикистана. В рамках интервью сложно ответить на все вопросы, но хотелось бы узнать, над чем сейчас работают наши поэты, в чем видят свои задачи?

— Начну, наверное, с того, что скажу: самым любимым писателем в сегодняшнем Афганистане является наш устод С. Айни. Его книги служат путеводителем в строительство новой жизни. Если говорить только о поэзии, то она развивается по двум направлениям: одни поэты освещают современную тематику через судьбы конкретных людей, другие разрабатывают ее с уклоном духовной, нравственной стороны личности.

Поэзия наша стала широкой по диапазону. В год 60-летия образования СССР многие поэты, особенно молодые, работают над специальными циклами стихов. Основными их темы — дружба народов, созидательный труд советских людей. По путевкам Союза писателей и ЦК комсомола молодые литераторы побывали на КамАЗе, БАМе, Атомаше, на Украине, в Белоруссии. Мы стремимся, чтобы молодые литераторы формировались и как поэты, и как граждане. Говоря образно, мы расширяем пропускную способность. А как итог — много новых содержательных циклов стихов.

Сейчас, как никогда, поэзия призвана стать разящим оружием борьбы за мир, за человека, за планету. И таджикская советская поэзия, как часть многонациональной литературы, должна сказать здесь свое слово.

А. ЛЫСЕНКОВ.